

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский сборник научных трудов

В ы п у с к 3

Воронеж
«ИСТОКИ»
2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Раздел I. Историография народничества	
<i>Терехова С. А.</i> «Чигиринский заговор» в современной российской историографии.....	7
<i>Калинчук С. В.</i> История «Черного передела» в марксистской историографии 1920-х – начала 1990-х гг.	17
<i>Степаненкова З. В.</i> Взгляды и деятельность В. В. Берви-Флеровского в отечественной историографии постсоветского периода.....	26
<i>Мокшин Г. Н.</i> Современная литература об идеологе культурного народничества Я. В. Абрамове.....	39
<i>Квасов О. Н.</i> Проблема революционного террора начала XX века в исследованиях 1990–2010-х гг.	50
<i>Левин С. В.</i> Н. А. Троицкий во главе саратовской научной школы изучения народничества.....	64
Раздел II. Общие проблемы истории народничества	
<i>Сажин Б. Б.</i> Проблема рационализации народных религиозных движений в идеологии революционного народничества.....	75
<i>Милевский О. А.</i> Экономический терроризм в программно-тактических построениях народнических организаций 1870-х – начала 1880-х гг.	93
<i>Цымрина Т. В.</i> Программные установки народовольческих организаций второй половины 1880-х гг.	118
<i>Квасов О. Н.</i> О статистических параметрах народнического террора (1866–1900 гг.).....	133
<i>Леонов М. И.</i> Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв.	146
<i>Протасова О. Л.</i> К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии.....	162
<i>Разиньков М. Е.</i> Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917–1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции?.....	181
Раздел III. Идеологи народничества	
<i>Блохин В. В.</i> Н. Н. Златовратский и Н. К. Михайловский: две модели народничества.....	201
<i>Касторнов С. Н.</i> Я. В. Абрамов о роли земства в подъеме благосостояния народа.....	211
<i>Зверев В. В.</i> Загадки уничтоженной книги.....	223
<i>Талеров П. И.</i> Марксист Г. В. Плеханов против анархизма.....	239
<i>Коновалова О. В.</i> В. М. Чернов об особенностях революционного процесса в России.....	251
Список сокращений	272
Именной указатель	273
Сведения об авторах	282

Марксист Г. В. Плеханов против анархизма

Народник, пропагандист марксизма, видный деятель российского и международного социалистического движения, философ и революционер Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) некоторое время был не чужд анархистским идеям и якобинским суждениям, как и многие российские революционные народники 1870–1880-х гг.

Продолжатель бакунинских идей безгосударственности Плеханов, можно сказать, в чем-то удивительно и фатально повторил судьбу своего предшественника: прожил ровно столько же, уйдя из жизни на 62-м году в день рождения М. А. Бакунина – 30 мая 1918 г. (по новому стилю).

А с другим классиком анархизма П. А. Кропоткиным Георгий Валентинович оказался в одном лагере «оборонцев», разошедшись со своими сторонниками в вопросах победы/поражения России в первой мировой войне. Так же как и Кропоткин, Плеханов долгое время (37 лет) жил в эмиграции и буквально за несколько месяцев до Петра Алексеевича так же вернулся на родину, в революционный Петроград, полный желаний активных действий в строительстве новой, свободной от феодальной зависимости жизни. Но время бывших народников, увы, ушло, и тот и другой были вынуждены ретироваться под натиском нарастающего насилия дышавшего смертью социального противостояния. Попытки Временного правительства привлечь бывших оппонентов царского режима к государственной службе были отвергнуты обоими решительно и принципиально, хотя каждым по-своему¹. Оба вынуждены были уехать в провинцию от шума революционных будней: Плеханов – в санаторий Питкеярви в район Териок (пригород Петрограда), Кропоткин – в Дмитров (Московская губ.), откуда затем каждый в свое время отправились в последний путь, уже навсегда успокоившись от жизненных тревог.

На этом фатальном совпадении общие сходства и заканчиваются. Начиная свою непростую, наполненную трагическими страницами, общественно-политическую деятельность как народник, проповедник анархистских идей Бакунина, Плеханов совершил резкий поворот к марксизму, став проводником материалистической диалектики К. Маркса и Ф. Энгельса, создав первую марксистскую рабочую

партию и сформировав идейно-политический базис для ленинской РСДРП(б). Но и с В. И. Лениным их пути разошлись чуть ли не сразу как эта партия сформировалась.

Переходя в лагерь меньшевиков, Плеханов, вероятно, отдавал должное тем давним взглядам безудержной свободы и радикализма, которыми зачастую пронизан российский анархизм. Но против такого анархизма, анархии, анархо-синдикализма Георгий Валентинович выступал в те годы очень резко, бескомпромиссно критикуя с позиций марксизма не только отечественных апологетов антиэтатизма, но и их зарубежных предшественников и единомышленников. По мнению Н. А. Бердяева, Плеханов этого периода – «западник, рационалист, просветитель и эволюционист. Ему чужды русские иррациональные мотивы. Он защищает науку и философию против революционного обскурантизма Бакунина и Ткачева»².

Еще в отроческом возрасте Плеханов приехал учиться в Петербург в Константиновском юнкерском училище, познакомился с передовой публицистикой того времени, а, поступив после блестящей сдачи вступительных экзаменов в Петербургский горный институт, без колебаний его оставил, предпочтя революционную деятельность на благо освобождения угнетенного русского народа.

Бунтарские идеи Михаила Бакунина впитывались народниками-революционерами последней трети XIX в. всеми фибрами души. Хождение в народ стало для русской интеллигентной молодежи повальным явлением. Сблизившись с «бунтарями», Георгий Плеханов ревностно принялся, по любимому выражению Бакунина, за святое дело бунта. Это произошло в 1876 г. (заметим, что летом этого года Михаил Александрович завершил свой жизненный путь, найдя упоение на бернском кладбище в Швейцарии).

Войдя весной 1879 г. в редакцию «Земли и Воли», Плеханов опубликовал две статьи под общим заглавием «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», в которых отразилась народническая концепция автора. В существенных пунктах она совпадала с концепцией М. А. Бакунина: здесь было и отрицание политики, и русская община, и «титаны народно-революционной обороны»: Разин, Пугачев и др. Но была и существенная разница, которая, главным образом, состояла в поразительной ясности постановки вопросов и глубокой продуманности, стройности всей системы взглядов автора. Бакунин, хоть и стал антиподом Маркса, его

конкурентом в тактике революционного движения, в свое время отдал должное марксистскому учению³, но, вместе с тем, не заострял вопроса о задачах социализма в России так, как это сделал молодой бакунист Плеханов: к чему обязывает русских социалистов учение Маркса?

То «великое уважение» к Марксу, которое, по собственным словам Плеханова, он впервые вынес из сочинений Бакунина, было явно сильнее у ученика, чем у учителя, хотя сам ученик был в то время еще очень далек от марксизма. Во второй своей статье о «Законе экономического развития» Плеханов анализирует свой бунтарский опыт, критически высказываясь в адрес отдельных революционных деятелей, принимающих «априорные теоретические решения» в отношении революционной агитации и пропаганды, отвлеченных от существующих в народе настроений и насущных нужд.

Когда на воронежском съезде землевольцев в июне 1879 г. был поднят вопрос об усилении «дезорганизаторской деятельности» и террора, правоверный народник и пламенный бунтарь Плеханов решительно выступил против, небезосновательно полагая, что такая деятельность существенно отвлекает революционеров от пропагандистской работы в народной среде. Кто забывает о классовой борьбе и о том, что «освобождение народа должно быть делом самого народа», тот предает само народное дело. Тогда же «Земля и Воля» раскололась, во главе «Черного передела» стал Плеханов. В эту пору наметился постепенный отход Георгия Валентиновича от бакунизма в сторону марксизма и, как известно, «мертворожденные» чернопердельцы дали жизнь российской социал-демократии... В 1880-м Плеханов вынужден был эмигрировать на долгие и драматичные для него 37 лет.

Вышедшая в 1885 г. книга Плеханова «Наши разногласия» с большой откровенностью отразила эволюцию взглядов автора, который подверг старые революционные теории беспощадной критике. Именно здесь произошло резкое размежевание с бунтарским прошлым: «"русский социализм" до сих пор еще носит очень длинную бакунистскую косу за своей спиной», пишет бывший бакунист, и во всех своих разновидностях, – в виде ли чистого бакунизма, народничества или же в виде бланкизма, – представляет собой один из видов утопического социализма, т.е. такого социализма, который не основывает своих выводов на данных точного изучения действи-

тельности, а заменяет его декретированием произвольно придуманных систем⁴.

Георгий Плеханов уходил от своего бунтарского прошлого в конце 1880-х гг., когда в Европе, наоборот, нарастало анархистское движение и пропаганда безгосударственности. В 1888 г. Плеханову было предписано покинуть пределы Швейцарии, а в 1894-м – Франции, куда он переехал из Кларана. Основание и там, и там было одно – приверженность анархистскому мировоззрению, которое к этому времени русский революционер уже не только не проповедовал, но и резко критиковал⁵. Но кто ж в чиновничьих структурах разбирается в тонкостях политической мысли, тем более – идеологической борьбы... Георгий Валентинович вернулся в Швейцарию и поселился в Женеве лишь в 1895 г., когда, благодаря хлопотам супруги Розалии Марковны, Женевский госссовет отменил свое постановление о высылке.

Критиковать анархизм и его апологетов Плеханов стал еще в середине 1880-х гг., уже в «Наших разногласиях» обратив внимание читателя на вопиющее противоречие у Бакунина между теоретическими положениями «программы» и намеченными ею практически задачами. По мнению Плеханова, Бакунин пытался «найти оправдание для рекомендуемого им способа действий в самом ходе развития народного мирозерцания, но, употребивши в дело неподходящий критерий, он вынужден был подставить на место исторического развития русской общественной жизни логические скачки своей собственной мысли»⁶.

Более глубокому анализу и жесткой критике анархизм подвергнут в достаточно объемной работе Плеханова «Анархизм и социализм». Бакунин назван здесь не просто утопистом – изобретателем анархистского коллективизма (в отличие от индивидуалистичного анархизма Штирнера и Прудона), прицепившем утопию свободы к «утопии равенства», а, более того, – декадентом утопизма: «Если Прудон был утопистом, то Бакунин был им *вдвойне*. <...> Если Прудон – безукоризненный прудонист, то Бакунин – *прудонист, фальсифицированный примесью «достойного ненависти» коммунизма и даже “марксизма”*». Поскольку эти две утопии не «желали» мирно уживаться, так как, по образному выражению Плеханова, «они громко вскрикивали при склеивании, он [Бакунин] бросил обе в доменную печь «непрерывной революции», где, разумеется, им при-

шлошь замолчать – по той простой причине, что как та, так и другая совершенно улетучились». Приводя обширные цитаты из работ классика российского анархизма, Плеханов делает неутешительный вывод о том, что отрицание политической деятельности пролетариата в пользу первоначального экономического освобождения заставляет анархистов перманентно вертеться в заколдованном круге «не находя другой возможности освободиться, кроме логического *salto mortale*»⁷. Порабощение рабочих капиталом означает и их нравственное подчинение, а парламентская среда непременно развращает рабочих депутатов, что становится главным аргументом анархистов, выступающих против политической деятельности вообще и социал-демократов в частности. Опираясь на марксистскую теорию, Плеханов выступает не столько против анархизма и бакунизма, сколько предлагает через политическую деятельность рабочих, отделившихся от всех эксплуататорских партий, завоевать и расширить политические свободы, двигаться по пути революции политической, которая есть также и социальная (социалистическая).

Не менее жестко в главе «Эпигоны» рассматриваемого сочинения автор подвергает критике и анархистский коммунизм, главным идеологом которого, как известно, был П. А. Кропоткин. Сторонники этого течения обвиняются в метафизичности. В доказательство автор приводит многочисленные цитаты из работ Жана Гравы, Элизе Реклю⁸ и самого Кропоткина.

Погоня за наилучшим идеалом будущего общества, который пытается отстаивать классик анархизма, представляет собой, по мнению Плеханова, не более, как «утопический метод чистейшей воды». Сам идеал будущего, к которому анархо-коммунисты приступят, благодаря организаторскому таланту народа, после разрушения государства, экспроприации богатых, инвентаризации всеобщего богатства и последующим его распределением, кажется автору невероятным (но это так): «есть анархия, но есть и организация; существуют правила, обязательные для каждого; несмотря на это, каждый делает, что ему угодно». Скептически пишет Плеханов о замене в анархистском социуме всех авторитетов договором: «(снова вы здесь, господин Прудон! мы видим, что вы все еще здравствуете!), в силу которого бесконечно свободные индивидуумы “обязуются” работать в той или другой “свободной коммуне”. Договор это – справедливость, свобода и равенство, это – Прудон, Кропоткин и прочие

угодники». Критически относится автор и к творящему чудеса в анархистской аргументации «свободному соглашению», посредством которого будут удовлетворяться потребности будущего общества и которое уже проявило себя в капиталистическом обществе. Плеханов отмечает нелогичность и даже абсурдность отдельных выводов эпигонов, когда берется «предпосылкой именно то, что должно быть доказано». Анархисты беспрерывно воспевают «мудрость, доброту и предусмотрительность человека “будущего”». По их мнению, он будет настолько совершенен, что, без сомнения, будет знать, как организовать коммунистическое производство. «Он будет настолько совершенен, что, восхищаясь им, – иронизирует Плеханов, – задаешься вопросом, почему же не доверить ему немного “власти”»⁹.

Цитируемая выше брошюра «Анархизм и социализм» была подготовлена Плехановым в 1894 г. по поручению Vorstand'a германской социал-демократической партии (напечатана немецким книгоиздательством «Vorwärts») в то время, когда анархизм обратил внимание общественности своей «пропагандой действием». Работа была написана по-французски, потом рукопись была переведена и издана на немецком. Ф. Энгельс ревностно содействовал этому изданию. Если социал-демократы приняли книгу с сочувствием и пониманием, то анархисты заявили о ложном понимании их теории и о клевете на анархистскую деятельность. Плеханова объявили «пожирателем» анархистов¹⁰.

Начиная с анализа мировоззрения социалистов-утопистов XVIII – начала XIX в. (Морелли, Фурье, Сен-Симона, Оуэна) и исходя из тезиса, что «утопистом является всякий, кто задумает совершенную социальную организацию, исходя при этом из какого-нибудь абстрактного принципа», Плеханов приводит точку зрения научного социализма (главным образом – К. Маркса) и затем переходит к разбору анархистских доктрин в их историческом развитии – от М. Штирнера и П.-Ж. Прудона до П. Кропоткина, завершая анализом анархистской тактики с неутешительным выводом: «*во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия, во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних*»¹¹, зачастую своими бессмысленными терактами провоцируют насилие и террор со стороны государства.

Вопросам революционных действий в продолжение темы была посвящена и другая брошюра Плеханова, выпущенная тем же издательством и в тот же год в Берлине: «Сила и насилие. – К вопросу о революционной тактике». Автор говорит здесь о том, что научный социализм решает противоречие между целями и средствами, в отличие от анархистов, призывающих использовать в качестве революционных средств лишь незаконные, поскольку государственные законы, как и само государство, анархисты отрицают и не признают. Кроме того, «для анархистов революционные средства и насильственные действия обозначают одно и то же, являются одной и той же вещью». Но, по мнению автора, это не одно и то же, главным образом, потому, что насилие зачастую не приближает, а отдаляет нас от революционной цели. Сила не тождественна насилию, т.к. последнее не всегда увеличивает первую. Более того, теракты анархистов чаще всего провоцируют реакцию, препятствующую развитию рабочего движения. Поэтому, делает вывод Плеханов, «анархическое действие, как бы насильственно оно ни было, является не чем иным, как *антиреволюционным средством*». И далее: «Революционен лишь тот образ действий, который, с одной стороны, увеличивает силы революции, а с другой, – соответствует намерениям тех, которые к нему прибегают». Самым же революционным средством социал-демократов автор считает развитие классового самосознания пролетариата, и это средство «остаётся всегда неизменным, несмотря на различие в обстоятельствах времени и места», а все насильственные взрывы в мире и заговоры «революционеров старой романтической школы – не что иное, как невинная, детская игра»¹².

Позже Плеханов продолжит подвергать современный анархизм уничижительной критике через призму марксизма. «Анархистская тактика и анархистская мораль теперь заслуживают такого же строгого осуждения, как и тогда», – напишет он спустя 27 лет, в 1911 г., в предисловии к 3-му (берлинскому) изданию своей книги «Анархизм и социализм». И хотя, по мнению автора, анархизм умирает, теряя свою актуальность и все более отходя в область истории, вместе с тем, «он вне всякого сомнения доказал, что он все еще имеет влияние, и, кроме того, еще и потому, что в Западной Европе он нашел себе наследника в “революционном” синдикализме». Так, итальянец А. Лабриола объявил синдикализм возвращением к прудонизму, отождествляемому с «теорией пролетарского социализма».

Сама тактика синдикализма сильно смахивает на тактику старого анархизма, взяв из нее путчи́зм как одну из важнейших форм анархистской «пропаганды действием». В своей критике парламентаризма «революционные» синдикалисты используют все ту же старую характеризующуюся удивительной слабостью анархистскую аргументацию. Вместе с тем, в отличие от анархизма, который в упорном отстаивании принципа абсолютной свободы индивидуума доходит до абсурда, «революционный» синдикализм, по утверждению Плеханова, наоборот, совершенно непоследователен: «Он кокетничает с анархистским принципом абсолютной свободы индивидуума, но в то же время заменяет анархистский девиз: “делай то, что тебе нравится”, категорическим императивом: “повинуйся постановлениям твоего синдиката”. Он разделяет отвращение анархизма ко всяким законам, но в то же время требует, хотя бы только своими действиями, законов для защиты интересов рабочего класса»¹³.

Синдикалистские взгляды А. Лабриоло¹⁴, нашедшие отражение в книге «Реформизм и синдикализм» и статье «Синдикализм и реформизм в Италии»¹⁵, Плеханов подробно анализирует в большой работе, озаглавленной соответственно: «Арту́ро Лабриоло». Досталось от критика и А. В. Луначарскому, написавшему к русскому изданию книги сочувственное послесловие, в котором, по образному выражению Плеханова, он расшаркивается перед «революционным» синдикализмом. Вновь Георгий Валентинович обращается к рассмотрению предлагаемой синдикалистами-анархистами социально-экономической организации будущего общества, полагая, что идеал общества, построенного «без законов», – сплошное недоразумение («круглый квадрат», «сапоги всмятку»): «Анархисты противоплагают *договор* закону. Но <...> *договор не исключает закона, а предполагает его*». Законы нужны для устранения общественного зла. «Закон, – доказывает Плеханов, – должен служить выражением воли общества»¹⁶. (Однако «должен» и «служит» суть большая разница, отметим в скобках, как и понятие «общество» может быть весьма ограниченным).

Эфемерной также считает критик борьбу, направленную на разрушение государства, и замену его синдикатом, вослед Ф. Энгельсу полагая, что «с устранением капиталистических отношений производства *устранится также и современное буржуазное государство*», являясь категорией *исторической*. Вместе с тем, синдикаты, ко-

торым собственность не принадлежит и которые отражают интересы рабочих профессий, не могут взять на себя превращение капиталистической собственности в общественную, что может явиться лишь делом партии. В конечном счете, подобно реформистам, отмежевываясь от которых стремится Лабриоло, «социальная революция» у синдикалистов сводится к «ряду последовательных вторжений в экономический процесс», т.е. опять-таки государство заменяется договором. «Артуго Лабриоло – родной брат Эдуарда Бернштейна» – утверждает Плеханов. Поэтому и с теориями синдикализма «надо бороться так же энергично, как с родственными им теориями реформизма». Сравнению социально-политических взглядов синдикалистов и реформистов с точки зрения марксизма посвящена и другая статья Плеханова «Энрико Леонэ и Иваное Бономи», в которой автор приходит к выводу, что *«синдикалистская критика «традиционного социализма» опирается <...> на те же теоретические положения, которые служили некогда анархистам в их борьбе против политики и тактики Маркса в Интернационале»*. В целом, уже в другой работе утверждает Плеханов, «синдикалистская теория <...> отличается как от анархизма, так и от социализма в том смысле, что она представляет собою винегрет из положений, заимствованных у того и у другого»¹⁷.

Во всех своих работах с критикой анархизма во всех его проявлениях Плеханов руководствуется марксистской теорией, проводником которой он последовательно выступал и от которой не отступал ни на йоту, считая единственно правильным использованным основателями марксизма научный материалистический подход в анализе общественной жизни. Анархическое учение он считал донельзя идеалистичным: «Анархисты много говорят о свободе, о правах человеческой личности, о вреде всякой власти и проч. и проч., но они совершенно не принимают в соображение объективных условий развития человечества, тех условий, которые не только не создаются волею человека, но, напротив, сами своим влиянием определяют направление его воли и его действий»¹⁸. Невозможно сводить исключительно к идейной эволюции *всю* общественную эволюцию, которая должна лишь предшествовать революции, наоборот, эволюция идей «при всяком общественном движении <...> сама обуславливается объективным ходом общественного развития»¹⁹. В противоположность идеалистическому анархистскому учению, материализм

(в марксистском понимании) ставит задачу, в применении к общественной науке «показать, каким образом развитие человечества совершалось под влиянием не зависевших от его воли объективных условий его существования». А тот, кто хотя бы отчасти симпатизирует анархизму и принимает «немного всерьез это учение, поневоле будет увлекаться по временам идеалистическими объяснениями истории, хотя бы он, по основным взглядам своим, и был убежденным материалистом»²⁰.

И как приговор анархизму звучат слова: «Анархический идеал неосуществим не потому, что он слишком хорош, а потому, что он слишком не *хорош в логическом отношении*; потому что он заключает в себе *неразрешимое противоречие*. <...> В том-то и беда анархизма, что его “наука” совсем не научна. Оттого-то его теоретики, – между которыми есть, бесспорно, вполне честные, очень умные и даровитые люди, – и запутываются в самых безвыходных противоречиях». Последний тезис, правда, противоречит более раннему беспощадному высказыванию автора: «беспристрастному человеку очень трудно сказать, где кончается анархист и начинается бандит» и «проблему эту тем труднее решить, что *есть немало людей, которые в одно и то же время являются и «бандитами» и “анархистами”*»²¹.

Больше века прошло с тех пор, когда Г. В. Плеханов резко выступал против анархизма, пропагандируя материалистическое понимание социального развития. История не стоит на месте, меняются и взгляды, и идеи, и сами люди и общество. Скорую кончину анархизму предрекал не только Плеханов. Ему вторили и консерваторы, и либералы, и большевики-ленинцы. В советской историографии немало работ, посвященных уничижительной критике этого «позорного» явления²². Но жив курилка! Более того, антиэтатические идеи оказываются востребованными как никогда прежде в нашем XXI веке, что объясняется неспособностью государства эффективно управлять обществом. Родимые пятна буржуазного государства: коррупция, бюрократизм, инфляция, безработица, нищета – побуждают людей к социального протесту. Идеи анархизма оказываются им более понятны и близки, чем сложные научные выкладки марксистских теорий, к которым после распада СССР выработалось стойкое отторжение. Вот почему плехановская критика анархизма не теряет своей актуальности и поныне является ярким образцом применения марксистской методологии научного анализа. С другой

стороны, практическое восприятие этой критики, как современниками самого мыслителя, так и нашими, особенно – анархистами, весьма неоднозначно.

По мнению многих авторитетных исследователей Плеханов был представителем «книжного», в значительной мере догматического варианта марксизма, для которого были характерны «экономический детерминизм, безоговорочное признание мессианской роли рабочего класса как освободителя всех людей труда, соединение социалистических и демократических идеалов и безграничная вера в возможность их достижения»²³. Нужно также отметить, что, как это ни прискорбно, но научный подход имеет свои изъяны, главным из которых является абстрагирование от тех или иных фактов и явлений, которые, по мнению исследователя, могут иметь несущественное значение в доказываемой им теории. Увлеченность самим творческим процессом зачастую уводит ученого в сторону от истины, которую он хотел познать, погружает в мир иллюзий и простраций, особенно в отсутствие критического взгляда на вещи...

Необходимо, кроме всего прочего, учесть и произошедшие за долгие годы изменения в сфере социально-политических движений. Классический анархизм существенно мутировал и, перейдя в своем развитии в постклассическую стадию, сегодня имеет большее разнообразие форм, чем сто лет назад. Хотя в целом анархистское движение и поныне остается на идеалистических позициях, оно во многом играет немаловажную социальную роль в широкой палитре современной политики.

¹ Вместе с тем, и Г. В. Плеханов, и П. А. Кропоткин были приглашены лично А. Ф. Керенским на состоявшееся в августе 1917 г. Государственное совещание демократических сил, где оба получили возможность выступить со своими оценками текущего положения дел в России и перспектив развития страны.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 60.

³ Позже Г. В. Плеханов скажет, что М. А. Бакунин был лишь «софистизирован» учением К. Маркса.

⁴ Плеханов Г. В. Соч. : в 24 т. Т. 2. М. ; Л., 1923–1927. С. 97–98.

⁵ Парадоксально, но факт: именно в 1894 г. вышли сочинения Г. В. Плеханова «Анархизм и социализм», «Сила и насилие», содержащие едкую критику анархизма.

⁶ Плеханов Г. В. Указ. соч. Т. 2. С. 143.

⁷ Там же. Т. 4. С. 211, 221, 222; курсив автора.

⁸ Анализу взглядов Э. Реклю посвящена статья «Э. Реклю как теоретик анархизма», в которой Г. В. Плеханов доказывает несостоятельность анархистского понимания роли личности и идей в историческом развитии общества. См.: *Плеханов Г. В.* Указ. соч. Т. XVI.

⁹ *Плеханов Г. В.* Указ. соч. Т. 4. С. 227, 231, 232, 234, 237; курсив автора.

¹⁰ *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 139.

¹¹ *Плеханов Г. В.* Указ. соч. Т. 4. С. 173, 245; курсив автора.

¹² Там же. С. 251–253, 256; курсив автора.

¹³ Там же. Т. 16. С. 193, 200.

¹⁴ Говорить о А. Лабриола, по признанию Г. В. Плеханова, скучно и противно, но все-таки надо, «потому что как ни бедны его умственные силы, как ни скуден запас его знаний, как ни жалка его нравственная личность, но он в самом деле является, – и является не только в Италии, – одним из самых выдающихся теоретиков синдикализма». (Там же. С. 45).

¹⁵ «Reforme e Rivoluzione Sociale». На русском языке см.: *Лабриола А.* Реформизм и синдикализм, с предисл. автора к рус. изд. СПб., 1907. 267 с. Статья напечатана в «Mouvement Socialiste» (декабрь 1905 г.).

¹⁶ *Плеханов Г. В.* Указ. соч. Т. 16. С. 12, 13; курсив автора.

¹⁷ Там же. С. 14, 48–49, 82, 142; курсив автора.

¹⁸ Там же. Т. 7. С. 27.

¹⁹ Там же. Т. 16. С. 167.

²⁰ Там же. Т. 7. С. 27.

²¹ Там же. Т. 16. С. 172, 182, 193.

²² См., напр., работы С. Н. Канева, Ф. Я. Полянского, Е. М. Амелиной, С. И. Ерофеева, М. П. Зяблюда, А. С. Лешукова, П. И. Моисеева, Д. И. Пронякина и др.

²³ *Тютюкин С. В.* Указ. соч. С. 375.